4Р
В55
Р-Р
4921/-

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ А.М.ГОРЬКОГО

на правах рукописи

Г.П.ВИШНЕВСКАЯ

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ САТИРЫ XУП ВЕКА

10.660 – русский язык

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

К и е в
1970

НБ НПУ
імені М.П. Драгоманова
100310854

Диссертация выполнена на кафедре русского языка Киевского государственного педагогического института имени А.М.Горького.

Официальные оппоненты : доктор филологических наук, профессор А.И.Германович ; кандидат филологических наук В.Т.Коломиец.

На внешний отзыв диссертация направлена в Ровенский государственный педагогический институт им. Д.З.Мануильского / кафедра русского языка /.

Автореферат разослан " 7 " сентября 1970 г.

Защита диссертации состоится " " _____ 1970 г.

на заседании Ученого совета филологического факультета Киевского государственного педагогического института имени А.М.Горького, г.Киев, бульвар Т.Шевченко, 22/24,

Ученый секретарь

В последние десятилетия значительно возрос интерес исследователей к изучению русского литературного языка XУI-XУП веков, нового периода русской истории, когда созрели условия для преобразования народности в нацию и в связи с этим стали определяться контуры национального русского литературного языка. Письменным памятникам этого периода посвящен ряд статей, диссертаций, отдельных заметок и публикаций. Появились многие работы по исторической лексикологии, однако она продолжает оставаться недостаточно исследованной.

Мало изучена и историческая фразеология. В большинстве работ советских лингвистов по фразеологии анализируются факты современного русского литературного языка, а существующие исследования по исторической фразеологии касаются преимущественно деловой письменности[1/].

Данная работа посвящена изучению лексики и фразеологии сатирических "повестей" XУП века[2/] - произведений, которые на фоне официальной литературы того времени выделяются своим демократизмом, реалистическим отражением жизни "третьего сословия", острой сатирической направленностью против угнетения, жестокой эксплуатации, обезземеливания и обнищания народа, несправедливостей администрации и суда, распущенности духовенства и т.д.

1/ См.: Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1918 по 1961 г. в кн.: "Проблемы фразеологии", М.-Л., 1964, стр.255-309; Л.Я.Костючук. Устойчивые словосочетания в древнерусском деловом языке /по грамотам XI-XIУ вв./. Автореф.канд.дисс., Л., 1964; С.Г.Шулежкова. Устойчивые словосочетания в языке официально-деловых документов южноуральских крепостей XУШ века. Автореф.канд.дисс., М., 1967, и др.

2/ Имеются в виду сатирические произведения, изданные АН СССР в 1954 году книгой "Русская демократическая сатира XУП века".

Исследуемые произведения чрезвычайно ценны как памятники литературного языка, отразившие наиболее характерные тенденции его развития на начальном этапе становления нации. Между тем они привлекали к себе внимание главным образом историков древнерусской литературы, а их языковые особенности изучены слабо: богатый и чрезвычайно разнообразный лексический состав сатирических повестей XУП века стал предметом лишь одного исследования[1], автор которого ограничивается анализом двух словарных пластов - разговорного и книжного - на материале восьми памятников. Настоящая работа выполнена на более широком литературном материале[2]. Цель ее - изучение состава и стилистических функций народно-разговорной и церковно-книжной лексики и фразеологии, словарных категорий и устойчивых выражений устно-поэтического творчества и официально-делового языка, то есть тех лексико-фразеологических категорий, на основе которых, по мнению В.В.Виноградова, образуется русский национальный язык[3]. Этим и определяется композиция диссертации, которая состоит из введения, четырех неодинаковых по объему глав и кратких выводов.

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ анализируется тот языковой материал, который в XУП веке проникает в литературу из бытового общения и претендует на свое место в литературном языке. В его составе слова

1/ Речь идет о диссертации А.Н.Орловой "Лексика сатирических повестей XУП века".

2/ В основу исследования положены следующие сатирические повести XУП века: Повесть о Ерше Ершовиче, Повесть о Шемякином суде, Азбука о голом и небогатом человеке, Послание дворисутельное недругу, Сказание о роскошном житии и веселии, Повесть о Фоме и Ереме, Служба кабаку, Калязинская челобитная, Сказание о попе Саве, Сказание о куре и лисице, Повесть о бражнике, Сказание о крестьянском сыне, Повесть о Карпе Сутулове, Лечебник на иноземцев, Роспись о приданом, Слово о мужах ревнивых.

3/ См.: В.В.Виноградов. Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, М., 1955, стр.64-65.

и выражения в стилистическом отношении весьма неоднородные – от более или менее общераспространенных и стилистически сглаженных до действительно резко просторечных и диалектных.

В зависимости от нарастания экспрессии разговорная лексика разделена на две категории. В первую включены слова, связанные с повседневной жизнью простых людей, но лишенные специальной стилистической окраски, близкие к общеупотребительной лексике в современном понимании этого термина. Такая лексика в анализируемых памятниках составляет наиболее многочисленный пласт, обозначая предметы, признаки, действия, связанные с повседневным бытом русского человека, и передает характер того разговорного материала, который постепенно закрепляется в литературном употреблении. Нейтральная народно-разговорная лексика используется для воспроизведения будничной обстановки, повседневного быта героев, но основная стилистическая функция ее – создание комического и сатирического: сатирических портретов, характеров, комических положений и ситуаций, зарисовок гротескного характера и т.д.

Многие бытовые наименования вовлекаются в метафоризацию, расширяя арсенал образных средств формирующегося литературного языка. В переносном значении используются, например, слова стадо, каша, рубашка, онерелье, перстень, прихлебка, пазуха и другие. Иронизируя над потерявшим стыд пьяницей, автор "Службы кабаку" пишет: "Наг обявляшеся, не задевает, ни тлеет самородная рубашка, и пуп гол". Царева питейная казна здесь – "кабацкая пазуха". "Посконная каша на вязовой доске" – батоги, которыми избивают пьяниц и т.д.

Во вторую группу входят слова и формы с отпечатком простоты, непринужденности, часто грубости и вульгаризации. Данную категорию слов принято называть "просторечием". В.В.Виноградов

определил ее как "окололитературную периферию" разговорно-литературной речи, "которая отчасти является ее резервом"[1]. Исходя из этого, к категории просторечных причисляется та часть разговорных слов, которые на данном этапе развития литературного языка не стали его достоянием, обладают экспрессивно-оценочной окраской и используются в демократических литературных жанрах с определенными стилистическими целями.

По степени образности и по отношению к своим литературным синонимам просторечная лексика членится на три подгруппы: 1. Разговорные слова, лишенные ощутимой экспрессивной окраски, но имеющие синонимы среди литературных слов: корчма, кружало - кабак; курка, девка, плакаться - жаловаться и под. 2. Эмоционально окрашенную разговорно-просторечную лексику: драка, поушник, чистоха, вякать, жрать и т.д. 3. Литературные слова, приобретающие просторечный характер в процессе использования /или нейтральные слова в просторечном употреблении/: нести в знач. "наговаривать", трескать в знач. "есть" и т.п.

В произведениях демократической сатиры, которые в XVII веке являются почти единственной сферой распространения просторечия, такого рода лексика "уже одним фактом неожиданного своего вторжения в книжную речь порождает смех"[2]. Она широко вовлекается в авторские партии и в речь героев, способствуя созданию осудительных характеристик представителей феодальной власти и лиц духовного звания /воевода Осетр, окольничий Сом, духовница лисица и др./. В монологах бедняков просторечие характеризует крайнюю степень их обнищания в условиях феодальной действительности и вызывает сочувствие к ним.

1/ В.В.Виноградов. Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков. "Вестник ЛГУ", 1949, №7, стр.33.
2/ В.В.Виноградов. Об образовании восточнославянских языков. В.Я., 1960, № 6, стр.63

В языке анализируемых памятников богато представлены общеупотребительные слова в своих вторичных, просторечных значениях. Наибольшей экспрессивностью отличаются стилистически ограниченные глаголы, составляющие синонимические ряды: окечь, огреть, свистать, драть, ковать - в знач. "сильно бить"; лупить, драть, сдирать, сглотать, очистить - в знач. "ограбить", "обобрать" и т.п. Рамки просторечия раздвигаются и за счет индивидуально-авторских образований, созданных соединением книжного суффикса - тель с разговорными, часто просторечными основами /слепитель, лупитель, разлучитель и под./. Появление таких образований - результат эволюции, которую переживал русский литературный язык в изучаемую эпоху.

Произведения демократической сатиры отражают процесс привлечения в памятники светской письменности XVII века значительного количества слов диалектного происхождения, поскольку разговорный язык в этот период "в силу преобладания местных, краевых связей над медленно прогрессирующей централизацией"[1] носит более яркую областную окраску, чем в последующее время. Диалектизмы, проникавшие в XVII веке в книжный язык и не получившие прав литературности, в процессе выработки речевых норм оседали в говорах. Такова участь многих слов, зафиксированных изучаемыми памятниками /колоть, кануны, волога, глот, хупавый, буявый, басливый, ерзнуть, ерыкаться, опрятовать и т.д./[2]. В текстах они ис-

1/ Б.А.Ларин. Парижский словарь московитов 1586 г., Рига, 1948, стр.54.

2/ Принадлежность их к говорам устанавливалась по "Опыту областного великорусского словаря", С.-П., 1852 и по "Толковому словарю..." В.И.Даля, изд.П,М., 1955. Возможно, что отдельные слова, причисляемые к областным, локальный характер приобрели позже, но из-за отсутствия соответствующих лексикографических пособий установить это сейчас трудно.

пользуются главным образом как наименования конкретных бытовых реалий и действий, пополняя собою ряды синонимов, повышая колоритность и образность языка произведений, их сатирическую остроту.

В первой главе наряду с лексикой изучаются устойчивые словосочетания народно-разговорного характера и определяются их функции в стиле памятников. Исходя из насущной необходимости исторической разработки фразеологических материалов, отдельные фразеологизмы /короткий ум, легкий на ногу, на тще сердце, выеденного яйца не стоит, ни пула и другие/ анализируются в плане возникновения из свободных словосочетаний, устанавливаются особенности их структуры и структурно-семантические изменения по направлению к нашему времени. Для решения вопросов, связанных с возникновением устойчивых словосочетаний, привлекались данные словаря И.И.Срезневского, толковых словарей современного русского литературного языка, старинные сборники устно-поэтического творчества, проводились сопоставления с украинским и польским языками. Проведенная работа показала, что путь превращения свободных словосочетаний народно-разговорного характера в устойчивые - обычен. Это в основном метафоризация, вызванная архаизацией значений слов-компонентов, грамматических форм или исторической утратой реалии. Установлено также, что в XУП веке происходит не столько формирование фразеологизмов, сколько их активизация в сатирическом стиле демократической литературы, куда из разговорного обихода в массовом количестве проникают готовые устойчивые словосочетания, разнообразные по своей структуре и экспрессивной насыщенности. Большинство из них без существенных изменений закрепилось в литературном языке и функционирует в нем до настоящего времени /знать честь, ни во что ставить, изо всей

мочи, сколь душа пришет и т.д./. Менее обширная в количественном отношении часть народно-разговорных фразеологизмов, как это раскрывается в ходе исследования, подверглась различным изменениям семантического или структурного порядка, лексикализировалась, в результате чего выпала из общего фразеологического состава / напр., фразеологизм "на тще сердце" /, вышла из употребления или осталась за пределами современного русского литературного языка / устойчивые словосочетания "тешить обычай", "глядеть из рук", "честь ведра во всю спину ровна" и некоторые другие /.

В умелых руках анонимных писателей XVII века разговорная фразеология - одно из наиболее действенных языковых средств, служащих целям правдивого воспроизведения феодальной действительности, осмеяния и осуждения ее уродливых явлений, зарисовки речевых портретов персонажей, характеристики настроений героев, создания сатирических образов. Живописный сатирический образ пропойцы / "Служба кабаку" / воссоздается , например, фразеологизмами "мало головы не сломил" , "во все горло", " топить душу" и т.д. Для разоблачения внешнего благочестия духовенства / "Сказание о куре и лисице " / используются народные выражения "попасть в руки", "ни во что ставить", " попасть на око", которые в контексте контрастируют со "сладкими" речениями из церковного писания. Для достижения большего сатирического эффекта устойчивые словосочетания разговорного характера включаются в пародируемые тексты церковных служб /"... рытье во все горло во отлучение своего живота "/, официальных документов на имя высокопоставленных лиц / челобитная на имя архиепископа /, видоизменяются / вместо "как выеденное яйцо" - " как свиное выеденное яйцо ", вместо "глядеть из рук " - " глядеть прилежно на чужих рук " и т.п. /.

ГЛАВА ВТОРАЯ посвящена связям демократической литературы с фольклором.

Элементы фольклора, проникавшие в письменные памятники начиная с XI–XII вв., в XVII веке становятся "явлением , формирующим самый профиль литературного языка эпохи" 1/. Народно-поэтическая традиция особенно остро ощущается в произведениях сатирического жанра. Их авторы щедро вовлекают в "повести" и "сказания" пословицы, поговорки, загадки и прибаутки, небылицы и каламбуры, сказочные зачины и концовки, разнообразные устоявшиеся выражения, источником которых является фольклор. Из него заимствуется также значительная часть слов, традиционно признанных устно-поэтическими 2/. Это в основном : а/ Эмоционально окрашенные слова, выражающие оттенки человеческих чувств, качеств, распространенные в народном творчестве наименования предметов, действий и их признаков : печаль, журба, кручинный, дубрава, гусли, тужить, браниться, горько и под. б/ Образования с уменьшительно-ласкательными суффиксами : Савушка, батюшка, голенький, беленько, хорошенько и др., которые в изучаемую эпоху из разговорного языка проникали в произведения деловой письменности; но особенно широко использовались в фольклоре, создавая особый устно-поэтический стиль. в/ Типичные для народно-поэтической речи глагольные формы, созданные посредством суффиксов и приставок : распотешиться, розкручинитца, прихаживать, грабливать и под.

Анализ фактов показал, что в каждом конкретном случае использование народно-поэтической лексики обусловлено различными

1/ И.П.Еремин. Русская литература и ее язык на рубеже XVII–XVIII веков. В кн.: "Начальный этап формирования русского национального языка", Изд-во МГУ, 1961, стр.15.

2/ Из-за отсутствия соответствующих лексикографических пособий критерием для отнесения слов к этой категории служило преимущественное употребление их в дошедших к нам древних записях фольклорного материала и чрезвычайно редкое использование в письменной литературе. Многие из этих слов современной лексикографией отмечаются как устно-поэтические.

причинами: стремлением авторов передать свое сочувствие обездоленному бедняку /"Азбука о голом....", "Послание дворительное недругу"/, ненависть к сутяге-попу /"Сказание о попе Саве"/, презрение к пропойцам /"Служба кабаку"/ и т.д.

В произведениях сатирического жанра уменьшительно-ласкательные суффиксы, обычно наиболее нейтральные среди суффиксов субъективной оценки, значительно усиливают свою эмоциональность и применяются в несвойственной им функции - как средство сатирического изображения. Так, например, в устах лисицы, за образом которой скрывается жадный и хитрый поп-исповедник, уменьшительно-ласкательная лексика /курушка, деточки, лисеночки, калачики и под./ звучит неискренне, фальшиво и способствует разоблачению формального благочестия и лицемерия духовенства. Довольно часто уменьшительно-ласкательные суффиксы в "повестях" не получают дополнительных значений и выступают лишь как средство создания колорита народно-разговорной и даже устно-поэтической речи.

Важную стилистическую роль в анализируемых памятниках выполняют характерные для фольклора глагольные формы, особенной поэтичностью которых восхищался В.Г.Белинский[1]. Включаясь в сатирические контексты, эти формы значительно выигрывают перед основными: они создают эмоционально-стилевую разноплановость выражений и усиливают сатирические характеристики персонажей. Например, в "Службе кабаку" они привлекаются для передачи действий и состояний пропойцы: "Отецкой сын распотешился, с ярыжными спознался, сажу и руду на полатях притерпел еси ..." и т.д.

1/ В.Г.Белинский. Полное собрание сочинений под ред.С.А.Венгерова, т.IX, СПб, 1910, стр.478

В лексическом составе анализируемых произведений распространенными являются характерные для устного творчества синонимические пары слов. Чаще всего они соединяются союзами "и", "да" /кручина и бедность, босота и нагота, похить и покормитися, скачет да пляшет и т.д./, а также усилительной частицей "ни" /ни в роду, ни в племени, ни пить, ни есть и т.п./. Союзы в них, как правило, находятся на уровне усилительных частиц и по праву могут называться союзами - частицами. Внешне замедляя действие, они задерживают внимание на семантике словосочетаний, способствуя ее усилению: "... приволокся в зимнюю пору на ивовых санишках и загрязнился и зачернился". Такова же функция членов предложения, вклинивающихся в синонимические пары: "... а хожу я не етчи, спать ложуся не кушавши". Анализируемый материал не согласуется, таким образом, с авторитетным мнением А.А.Потебни, утверждавшего, что наличие союза "и", а также других слов в синонимических парах и других словосочетаниях в устной поэзии "является явственным выражением медленности, с которой в говорящем один акт мысли следует за другим"[1].

Бессоюзные синонимические соединения, представляющие, по мнению А.П.Евгеньевой, наиболее яркую и обращающую на себя внимание особенность использования синонимии в устной поэзии [2], в демократической сатире XVII века немногочисленны: хлеб-пшеница, есть-пить, куют-вяжут и др. Общая семантическая направленность, вытекающая из значений составных частей, тесная спаянность ком-

---

1/ А.А.Потебня. Из записок по русской грамматике, т.Ш, 1958, стр.281.

2/ А.П.Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв., М.-Л., Изд-во АН СССР, 1963, стр.260.

понентов, многократное использование и закрепление в языке исследуемого периода сближают многие синонимические пары, зафиксированные демократической сатирой XVII века, с фразеологическими единицами. Соединения типа род - племя, хлеб - соль, есть - пить, знаю - ведаю и под., превратившиеся в языковые слитки, ярче и выразительнее своих лексических синонимов. Они сообщают произведениям своеобразный устно-поэтический колорит.

Такие синонимические пары, как перебили и перегробили, загрязнился и зачернился, пришел - приволокся и другие не закрепились в употреблении как устойчивые сочетания. Они состоят из очень близких по значению слов, почти тавтологизмов. Второе слово в них является как бы смысловой или стилистической вариацией первого, часто выполняя роль количественных наречий: заворил и закричал = сильно закричал; загрязнился и зачернился = очень загрязнился и т.п. Таким образом, в свободных синонимических парах второе слово обычно усиливает значение первого компонента, акцентируя на нем внимание, например: "Радуйся, кабаче веселый, яко мнози тобою хвалятся и хвастают ...".

Наряду с синонимией, специфической особенностью устной поэзии принято считать тавтологию, то есть соединения однокоренных слов. В памятниках демократической сатиры XVII века они в большинстве случаев употребляются авторами как художественное средство. В структурном отношении это преимущественно сочетания однокоренных сказуемого и дополнения в винительном падеже. Дополнения в них могут обозначать как конкретный, так и абстрактный объект действия. Именно последние, с "винительным внутреннего объекта", и являются той "тавтологией", которая в фольклористике рассматривается как художественное средство устной поэзии. Имеются в виду традиционные словосочетания мыслить мысль

лять, думу думать, совет советовать и под., в которых существительные обозначают абстрактный объект, на который не может быть направлено действие. Такие дополнения перенимают функции усилительных наречий и в смысловом отношении составляют единое целое: "мысль смышлять" - крепко, сильно думать; "храп храпеть" - сильно, громко храпеть и т.д. В целях усиления, иногда как средство сатиры, памятники используют и другие виды усилительной тавтологии: насмешно насмеяться, множество много, темная темница, шутом шутить и другие. Отдельные однокоренные словосочетания /пиво пить, заводу заводить, суд судить/ являются тавтологизмами внешнего характера. По функциям они совпадают с такими современными образованиями, как "писать письмо","крыть крышу", "петь песню" и под.

Из народной поэзии в сатирические "повести" проникают многие постоянные эпитеты: быстрая река, крутой бережок, око ясное и т.п. Словосочетания с постоянными эпитетами часто характеризуются забвением реального смысла эпитета и используются как традиционные поэтические формулы, где эпитет составляет семантическое единство с определяемым словом и как самостоятельное определение не воспринимается. С утратой смысловой направленности обозреваемых эпитетов связано в ряде случаев нарушение логической связи между словами. Например: старая красная девица, белые руки, что огоги и т.п.

Среди элементов фольклора, создающих своеобразный стиль демократической литературы, ведущее место принадлежит пословице. Сопоставление богатейшего пословично-поговорочного материала, извлеченного из текстов анализируемых памятников, со стар-

шими его записями[1] показало, что многие пословицы вводятся в произведения в той форме, в какой они бытовали среди народа и вошли в сборники. Значительно большая по объему часть пословиц подвергается различным авторским изменениям /расширяется, сокращается, перефразируется/ сообразно потребностям контекста. Так, старинная пословица "Наготы, босоты повешаны шесты" используется в форме: "Наготы, босоты и гладу изувешены шесты". Ироническая пословица "Разорение монастырю, квас густ, а игумен воду пьет" изменяется следующим образом: "... весь мед перекис, а сам воду пьет" и т.п.

В художественной ткани анализируемых памятников обнаруживается много метких, кратких, имеющих поучительный смысл, ритмически организованных изречений пословичного характера, в отношении которых трудно решить, представляют ли они готовые народные афоризмы или созданы самими авторами, поскольку в сборниках старинных пословиц и поговорок параллелей к ним обнаружить не удалось. Например: "Когда сором, закройся перстом", "Русской бог похвалнова слова не любит" и др.

В исследуемый период тяготение к пословично-поговорочному слогу наблюдается и в других славянских литературах, в частности в украинской. Как отмечает Н.Ф.Сумцов, украинские писатели XVII века "любили пословицы и часто прибегали к ним для выражения своих мыслей и чувств"[2]. Немало высказываний, построенных по типу пословиц, можно встретить, например, в произведениях Ива-

---

1/ К сравнению привлекались записи: П.К.Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII-XIX столетий, вып.I, СПб, 1899; Н.Курганов. "Письмовник", изд.6, СПб, 1796; Собрание 4291 древних российских пословиц. Печатаны при Имп.Московском университете, 1770 г. и другие.

2/ Н.Ф.Сумцов. Опыт исторического изучения малорусских пословиц, Х., 1896, стр.I.

на Вышенского, Лазаря Барановича, Антония Радивиловского и др. Интересные пословицы и поговорки находим в украинских рукописных сатирико-юмористических произведениях XVII–XVIII ст. /"Промова Івана Мелешка", "Зыск од пана Гроша" и др./, так же, как и русские сатирические повести, характеризующих литературу демократического направления. Значительная часть пословиц, освоенных русской демократической сатирой XVII века, встречается в сборниках украинского фольклорного материала[1/].

Наиболее свободно все же относились к фольклору создатели русской сатирической литературы XVII века. Даже при беглом знакомстве с памятниками наблюдается исключительная насыщенность их текстов пословицами и поговорками. Одни из них передают обобщенные раздумья бедноты над своим положением в условиях феодального строя /Жить весело, да исть нечево; Был со всем, а стал ни с чем; Мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрем и т.п./, другие сатирически характеризуют поведение человека, отстаивают определенные моральные принципы /Каково кликну в лес, тако и откликнется; По которой реке плыть, по той и славу творить/ и т.д.

Древнерусских сатириков в пословице привлекает прежде всего острая обличительная направленность, поэтому многие пословицы используются в целях борьбы с социальными и бытовыми пороками, и в этом состоит их основная функция. Пословицами подкрепляются авторские размышления по поводу пьянства, пересыпаются характеристики "до гола" разоряющихся в "царевом кабаке" пропойц, разоблачается лицемерие, жадность, формальное благочестие духовенства и т.д. Некоторые пословицы подвергаются метафоризации и приобретают иносказательный характер, в результате чего постепенно теряют свое прямое значение, раздвигая смысло-

---

1/ См.: Н.Номис. Українські приказки, прислів"я і таке інше, СПб, 1864.

вые границы. Такой путь прошла, например, пословица "Подавайся по рукам, ино легче волосам", связанная с древним, существовавшим на Руси до середины XУI века обычаем решать судебные дела поединком, хватаясь за волосы. Правым признавался тот, кто перетягивал. Пословица советовала мириться до поединка. В тексте "Службы кабаку" она содержит иронический призыв к пьянице подавать по рукам ковши с вином.

Многие пословичные выражения, хлынувшие в литературный язык в XУП веке, оказались в нем временным материалом и современной речи не известны, поскольку "большинство документированных фразеологических словосочетаний древней поры исчезло из употребления"1/. Все же значительная доля народных афоризмов, освоенных литературной сатирой XУП века /Не сули журавля в небе, только дай синицу в руки; Как кликнешь в лес, так и откликнется; Было, да сплыло и др./, переходя из века в век, от одного поколения к другому, закрепилась в употреблении и бытует в системе образных средств русского литературного языка.

Демократическая сатира XУП века испытала на себе серьезное влияние скоморошьего творчества. Скоморохи и другие странствующие певцы и музыканты не только веселили народ - они были создателями, носителями и исполнителями активного, борющегося за народную правду искусства. Боевое скоморошье искусство находило живой отклик в народе и оказывало сильное воздействие на сатирическую литературу того времени.

В данной работе анализируются наиболее существенные моменты связи художественного стиля демократической сатиры с тем особым способом изложения, который характеризует скоморошьи небыли-

1/ Б.А.Ларин. Очерки по фразеологии, "Ученые записки ЛГУ", № 198, серия филологических наук, вып.24, 1956, стр.219.

цы, прибаутки, юмористические и сатирические сказки, в частности: склонность авторов "повестей" к рифмованной прибаточной прозе, игре собственными именами, к использованию шутливых сказочных зачинов и концовок, созданию небылиц и т.д.

Анализ показал, что русские безымянные сатирики используют разнообразные варианты рифм, но чаще всего - глагольную, наиболее популярную в литературе XVII века: ткнет - отдохнет, живут - дают и т.п. Тяготение к рифме у них было настолько сильным, что иногда в тексты произведений из сатирического фольклора или скоморошьего творчества в готовом либо несколько измененном виде переносятся целые отрывки. Пародируя распространенные в XVII веке жанры деловой письменности, заполняя их форму небылицами, авторы достигают большого сатирического эффекта. Основные способы построения небыличных выражений таковы:

а/ Соединение имен существительных с относительными прилагательными, лексическое значение которых не соответствует семантике определяемых слов: холстинной гудок, мозжевельные портки, девичье молоко и т.п.

б/ Сочетание имени существительного с двумя прилагательными - относительным и качественным, - одно из которых обычно является вымышленным и разрушает реальный смысл всего выражения: светлый тележный скрип, толстое орлово летание, вежливое журавлиное ступание и под. Вымышленными могут быть и оба определения: ледяная сушеная иготь[1], соломеное копченое пиво.

в/ Соединение существительных с противоречащими им по смыслу определениями, выраженными именем существительным в творительном падеже с предлогом "с": юпка с рукавами, душегрейка с усами, четыре пары гусей с руками и под.

1/ Ручная ступка, металлическая или каменная.

г/ Разрушение привычных смысловых единств путем замены определяемого слова: вместо "две коровы дойных" – "две кошки дойных", вместо "две собаки гончих" – "два ворона гончих" и другие.

В атрибутивных словосочетаниях выбор определяемых слов диктуется стремлением достигнуть наибольшего юмористического эффекта. Этим обусловлена популярность некоторых прилагательных, вступающих в синтаксические связи с различными по значению существительными. Например, прилагательное "ежовый" соединяется с наименованиями одежды, постельных принадлежностей: ежовая шапка, шуба, наволока, портки. Очень ходки словосочетания с прилагательными "дубовый", "липовый", "моржовый": дубовые простыни, дубовый плат, штаны липовые и под.

В исследуемый период к небылице любили прибегать украинские юмористы, пародируя народные думы, песни. Некоторые их произведения /"Дума про тещу", "Дума про Михія", "Хома та Ярема", "Вірш нищенський" и др./[1] по стилю, а иногда и по содержанию близки к русским сатирическим повестям.

Древнерусские писатели обращались также к художественным приемам народной сатирической сказки, песни, былины, что было обусловлено их страстным желанием осмеять, осудить, представить в непривлекательном виде то или иное отрицательное общественное или бытовое явление. Антифеодальная по своей направленности демократическая сатира XУП века вместе с народной сатирой начинает то сатирическое направление русской литературы, которое развивали прогрессивные писатели-сатирики XУШ века /Фонвизин, Новиков, Крылов/ и классики русской литературы XIX столетия.

В ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ освещаются связи литературной сатиры XУП века с деловой письменностью того времени, исследуется состав и

1/ См.: Давній український гумор і сатира. К., 1959.

стилистические функции официально-деловой лексики и фразеологии.

В XVII веке влияние деловой письменности на формирующийся национальный литературный язык усиливается. Деловой словарь проникает в литературу демократических слоев двумя путями: через пародируемые формы официальных документов, учебных книг, лечебников и т.п., а также самостоятельно, помимо них. В работе произведена тематическая классификация деловой лексики, свидетельствующая о том, что в изучаемую эпоху литературный язык обогащается терминами из разнообразных сфер официальной жизни: государственного управления, судопроизводства, торговли, военного дела и т.д.

В текстах "повестей" деловые слова выступают не непосредственно, как в памятниках делового характера, а опосредствованно, через призму художественного мышления древнерусского автора. Следовательно, они не документальны, не всегда нейтральны по отношению к стилю - многие из них, раздвигая сферу своего использования, приобретают эмоционально-экспрессивный характер и выступают в новых для себя функциях: сатирической, пародийной, комедийной, используются для создания речевой характеристики персонажей и т.д.

Пародирование различных образцов деловой письменности в XVII веке "было неразрывно связано с сатирическим замыслом, с темой общественного, а не литературного значения"[1]. Форма делового документа, заполненная несвойственным ей содержанием, давала возможность сразу сосредоточить внимание читателя на обличаемом явлении. В условиях пародии официально-деловые термины становятся средством осмеяния.

1/ В.П.Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. В кн.: "Русская демократическая сатира XVII века". М.-Л., Изд-во АН СССР, 1954, стр.168-169.

В целях сатиры авторы "повестей" широко практикуют столкновение официально-деловой лексики и фразеологии со словами других стилистических систем /батоги освящаются, служат хребтом на печи, изволит спать, по приказам волочитна и т.п./, включают её в состав молитв и церковных песнопений /"Спаси, боже, наготою с пропою люди своя и благослови дом достойныя воры своя, молитвами закладу и собины нашея ... и всех головных воров, молящихся бити кнутьем и в тюрму сажати их" и т.п./. В отдельных случаях деловые термины используются в переносно-метафорическом плане. Например, словом жалованье, в деловой письменности обозначавшим плату за труд, за государственную службу, названы плети, которыми "вознаграждаются" посетители кабака. Кабак же - "всяким неправдам крепки воевода, наипаче воеводы" и т.д. Лексика, связанная с судебным разбирательством, в частности наименования преступников /братоубийца, кровопролийца, беззаконник и др./, в памятниках часто выступает в роли оценочных средств безотносительно к определенным преступлениям и приобретает яркую эмоциональную окраску.

Устойчивые словосочетания официально-делового характера в демократической сатире XVII века - в основном термины, характеризующие общественный строй и право Московского государства того времени: крестное целование, дети боярские, торговая казнь, бить челом и др.

В лингвистической литературе существует две противоположные точки зрения относительно принадлежности словосочетаний терминологического характера к области фразеологии. Первая - утвердительная - разделяется всеми составителями современных толковых словарей и большинством исследователей, в том числе В.В.Виноградовым[1].

1/ В.В.Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В кн.: А.А.Шахматов. М.-Л., 1947, стр.358.

Поскольку в данной работе анализируются не современные, а древнерусские составные термины, для их классификации избран метод, предложенный Б.А.Лариным, который, исследуя пути становления фразеологизмов, пришел к выводу, что "многие научные сложные термины вовсе не относятся к фразеологическим словосочетаниям"[1/], а традиционные составные термины, средневековые и античные, предложил распределять между группами метафорических и неразложимых, смотря по их составу[2/].

Терминологические словосочетания исследуемых памятников в определенной мере отразили характер древнерусской терминологии, которая представлена здесь двумя структурными моделями: а/ прилагательное + определяемое существительное /служилые люди, печатная палата и т.п./; глагол + дополнение, выраженное существительным в винительном или творительном падеже /целовать крест, бить кнутом и т.д./. Словосочетания первой модели - наиболее распространенная форма древнерусского термина[3/]. В XVII веке они использовались для наименования должностных лиц, государственных учреждений, официальных документов и пр.: головы стрелецкие, судная изба, правая грамота и т.д.

Памятники демократической сатиры содержат богатый материал, свидетельствующий о том, что возросшая в XVII в. потребность в терминологической лексике удовлетворялась часто путем вовлечения в сферу терминологии конкретных общеупотребительных слов типа люди, изба, голова и под. Поскольку в эпоху феодализма полисемантичность лексем была "значительно более обычна, чем в нашу"[4/],

---

1/ Б.А.Ларин. Очерки по фразеологии, стр.222.
2/ Там же, стр.222-223.
3/ См.: Г.Е.Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1937.
4/ Б.А.Ларин. Проект древнерусского словаря. Л., 1936, стр.52.

к ним с целью конкретизации значений присоединялись прилагательные - определения, вследствие чего русский литературный язык пополнился большим количеством составных терминов[1]. Если смысловой центр в словосочетаниях модели прилагательное + существительное приходился на компонент - прилагательное, существительное со временем превращалось в формальный привесок и отпадало. Прилагательные - определения субстантивировались, сужая свою семантику до одного частного, конкретного значения, а иногда целиком переходили в класс имен существительных. Условия для субстантивации имелись, например, в терминах со словами "грамота", "люди" и некоторых других. Составные термины, в которых смыслообразующими являлись оба компонента, относящиеся друг к другу как частное к общему /голова стрелецкий, печатная палата и под./, обычно не сокращались и некоторые сохранились поныне: Оружейная палата, Монетный двор и др.

Устойчивые словосочетания модели глагол + имя существительное в "повестях" представлены преимущественно терминами из древнерусского судопроизводства /выдать головою, бить кнутом, искать безчестия и др./ и канцелярского обихода /отчет дать, сидеть у записи, руку приложить и под./, в основном впоследствии вышедшими из употребления.

Некоторые из рассмотренных терминов /бить челом, выдать головою, соврем.вариант "выдать с головою" /в процессе развития от свободных словосочетаний с прямым значением компонентов до устойчивых, метафорических перешагнули пределы специального употребления и обогатили собою фонд выразительных средств литературного языка.

Кроме устойчивых словосочетаний делового характера, в про-

1/ В "Материалах для терминологического словаря древней России" Г.Е.Кочина насчитывается более 160 терминов со словом "люди".

изведениях демократической сатиры широко представлены также разнообразные формулы и штампы деловых документов, челобитных, шаблоны рядных и других грамот, элементы фразеологии приказного, эпистолярного стиля, традиционные формулы лечебников и т.п. По своему характеру это своеобразный стереотипный материал, не имеющий постоянной структуры. Если обычные фразеологические обороты - всегда структурно целостные единицы, в которых слова представляют собой систему связанных и так или иначе соотнесенных друг с другом компонентов, то в так называемых фразеологических штампах спаянность слов не является существенным признаком. Слова здесь более свободны, подвижны, подлежат замене и перестановке.

Фразеологические штампы коренным образом отличаются от обычных фразеологизмов и в смысловом отношении: они не представляют смысловых единств, по значению не соотносятся ни со словами, ни с предложениями. Скорее это устойчивые части свободных предложений, закрепившиеся в процессе употребления за определенными документами /челобитными, грамотами, записями и т.д./. Пародируя формы этих документов, авторы исследуемых памятников вводят в художественные тексты зачины и концовки челобитных, обычные начала рассказов о содержании жалоб, традиционные заглавия копий документов, закрепившиеся в употреблении формы переходов и т.д. В "повестях" они составляют своеобразную канву, в которую вплетается соответствующее сатирическое содержание.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА посвящена изучению стилистических функций и приемов использования лексико-фразеологических категорий церковнокнижного происхождения в произведениях демократической сатиры. В XVII веке, в связи с образованием национального языка, церковнославянский язык начинает вытесняться из многих жанров и видов светской письменности, уступая место живой народно-разговорной речи. Высвобождение литературы от церковнославянских средств выра-

жения наиболее активно осуществляется писателями из демократической среды, поэтому в анализируемых текстах удельный вес церковнославянизмов сравнительно с народно-разговорной лексикой - невелик.

Употребление церковнославянской лексики в произведениях демократической сатиры диктуется не жанровыми особенностями этих памятников, как это наблюдается в литературе предшествующих веков, а главным образом задачами создания сатирического слога, речевой характеристики персонажей из духовной среды. Исходя из этого, авторы ориентируются преимущественно на церковнославянскую лексику с ярко выраженной экспрессией книжности, отдавая явное предпочтение отвлеченным существительным с суффиксами - ение, - ние, - ство, - ствие, -ость /возвещение, напрасиство, пророчествие, скудость и т.п./.

Основной принцип художественной реализации церковнославянизмов в целях сатирического изображения - помещение их в контрастную речевую среду. Способы достижения стилевой контрастности разнообразны:

а/ Расположение в одном словесном ряду народно-разговорных или просторечных слов и церковно-книжных: бурая корова грядн, ангелы вытресли, благословение коровнице, возде женскую рубаху и т.д.

б/ Разрушение привычных, традиционно сложившихся семантико-стилистических единств путем нарочитого включения церковнославянских лексем с яркой книжной экспрессией в новые, неожиданные для них сочетания: венцы кропивные, соломенные; звезда запечная; житие свинское; шлем дурости; щит наготы и др.

в/ Применение "высоких" церковно-книжных слов для наименования обычных бытовых явлений, обновление семантико-стилистических

качеств этих слов: пьянство в кабаке – празднество, праздник; побои – дары, изда, почесть; пропойцы – богомольцы и под.

г/ Пародирование церковно-богослужебных текстов путем наполнения их разговорно-бытовыми словами, а также путем столкновения трафаретов церковнославянского языка и пассажей на разговорном просторечия, вследствие чего хорошо знакомые тогдашнему читателю формулы приобретают обличительный смысл и т.д.

Своеобразие употребления лексики сатирических произведений XVII века состоит в ее синонимичности. В качестве синонимов к народно-разговорным словам часто выступают слова книжные, церковнославянские: око и глаз, слова и глаголы, ожидать и чаять, говорить и вещать и т.д. Выбор их в большинстве случаев диктуется задачами стилистического порядка. Наряду с этим в памятниках демократической сатиры наблюдается смешение, безразличное употребление церковнославянских и русских слов одного значения. В одних и тех же произведениях, независимо от стилистических заданий, используются слова град и город; глас и голос; чуждий и чужой и т.д. Это явление, свойственное многим произведениям светской литературы того времени, объясняется общими стилистическими тенденциями письменного языка эпохи XVII века, когда жанровое разграничение употребления церковнославянской и русской лексики было нарушено, а новые стилистические нормы национального языка еще не сложились. Будучи выходцами из демократической среды, создатели сатирических "повестей" хотя и используют церковнославянизмы без определенных стилистических заданий там, где уместными были бы русские слова, но явное предпочтение отдают уже русской лексике.

Церковно-книжная фразеология появляется в "повестях" преимущественно как прямой отзвук пародируемых оригиналов церковных

служб и песнопений и связана со сферой религии. Суд божий, бдение нощное, отец духовный и т.п. - составные термины, сами по себе не являющиеся материалом фразеологии. Многие из них /святая святых, царствие небесное, тьма кромешная и др./, продолжая обслуживать область религии, проникли в светскую письменность и были прочно усвоены литературным языком, органически вошли в систему письменной, а иногда и разговорной речи, пополнив собою круг фразеологических образных средств русского языка. Выражения и формулы религиозно-культового содержания в текстах обычно сохраняют свою семантику, но часто меняют функции и стилистическую окраску благодаря своеобразному использованию /включению в стилистически чуждый контекст, разрушению устоявшихся выражений возвышенного слова и т.д./.

Памятники демократической сатиры свидетельствуют, что формирование национального литературного языка в XVII веке было неразрывно связано с его демократизацией, выразившейся в резком ограничении культурно-общественных функций славяно-русского типа книжного языка и вовлечении в язык светской письменности разных по сфере своего обычного функционирования речевых средств, в том числе живой народно-разговорной речи с ее многочисленными диалектами, устно-поэтического творчества и официально-делового письменного языка.

Основны положения диссертации отражены в следующих работах:

I. Фразеологические сочетания в русской демократической сатире XУП века. "Наукові записки" Киевского государственного педагогического института им.А.М.Горького, т.XXУI, вып.I, Киев, 1957.

2. Народні прислів"я і приказки як мовні засоби російської демократичної сатири XУП ст., ж."Мовознавство", № 2, 1970, К., Изд-во "Наукова думка".

3. Елементи творчості скоморохів в російській демократичній сатирі XУП ст., ж."Радянське літературознавство", № 8, 1970, К., Изд-во "Наукова думка".

4. Об общих языковых явлениях в русской и украинской демократической сатире XУП-XУШ веков. Тезисы доклада на Всесоюзной межвузовской конференции по проблеме "Взаимосвязь и взаимодействие восточнославянских языков и литератур". 3I октября - 3 ноября 1968 года /в печати/.

БФ 27333. 28.УП.70 г. Объем 1,75 п.л. Зак. 5031
Тир.150 экз.

Книжная типография № 5, Киев, Репина, 4.